
А. И. ДЗЮРА

ПОРВАЛАСЬ СВЯЗЬ ВРЕМЕН (МАРКСИЗМ И ПЕРЕОЦЕНКА ЦЕННОСТЕЙ)

«Мы выходим из состояния безгласия, немоты и глухоты, мучительно переживая распавшуюся “связь времен”», – говорил на очередном заседании теоретического клуба «Свободное слово» (1991) доктор философских наук В. И. Толстых. Своеобразным отражением пульса духовной жизни страны того времени стала вскоре вышедшая из печати интересная и умная (столь же аналитическая, сколько и публицистическая) книга «Освобождение духа», посвященная обсуждению животрепещущих, актуальнейших проблем развития общественного сознания в связи с радикальной переоценкой всех ценностей. В прологе к завершающему разделу этой книги («Идеология обновления: жив ли марксизм?») В. И. Толстых недоуменно вопрошал: «Всем надоела апологетика, канонизация марксистской идеологии... Но почему опять идет сплошной монолог, опять царит методология “до основания, а затем...”?! Почему молчит, словно в рот воды набрав, официальная идеология?.. Молчат рядовые и дипломированные марксисты, которых еще вчера было так много. Куда они подевались?»¹

Спустя десятилетие напечатаны новые учебники и монографии по философии, социологии, политэкономии. В тех из них, которые, в соответствии с социальным заказом фонда Сороса, изданы под амбициозной рубрикой «Обновление гуманитарного образования в России», невооруженным глазом просматривается, что авторы обновленных учебников честно отработали полученные ими гранты, добросовестно и прилежно осуществив над прежней идеологией акт усекновения и вивисекции, послушно и простодушно подвергнув – совсем в духе «переоценки идеалов и ценностей» – запрограммированной критике «ненавистный» марксизм «вплоть до его отрицания, ниспровержения» (В. И. Толстых).

¹ Освобождение духа / под ред. А. А. Гусейнова, В. И. Толстых. – М., 1991. – С. 287.

Тогда, в конце 90-х годов XX в., во многих научно-философских публикациях марксизм на некоторое время «был окружен стеной молчания» (С. Чернышев), ибо *ссылаться на марксизм в новых исторических условиях стало признаком дурного тона*. А каково отношение к марксизму сегодня, когда человечество разменивает начало XXI века, вступив в третье тысячелетие новой эры? Данная статья – размышление на эту тему и одновременно приглашение философов и социологов к теоретическому диспуту.

I

В условиях постсоветской России свободный от прежней идеологической зашоренности человек начинает осознавать себя не отрезанным от политики пассивным созерцателем событий, а все более активным субъектом социально-исторического процесса. Время, когда обществу навязывались идеологизированные «истины», безвозвратно ушло в прошлое. Ликвидировав право привилегированных на монопольное владение истиной в последних инстанциях, молодое российское демократическое общество тем самым уравнивает точки зрения (вовсе не отрицая их оригинальности, неповторимости, уникальности) пахаря и писателя, рабочего и академика, «начальника» и «подчиненного», ни одному из них не давая никаких привилегий. При отсутствии всякой монополии на истину решающее слово в споре принадлежит не оракулу, не вождю: и в теоретических, и в идеологических баталиях отныне последнюю точку должны выставлять жизнь, практика, история – одним словом, сама Правда, когда уже, как сказал поэт, «здесь ни убавить, ни прибавить».

К ней-то, к истории, резонно обратиться, чтобы неторопливо разобраться с тем, что с нами сегодня происходит после того, как «марксистский социальный эксперимент в России не удался». История, выступающая в качестве логики доказательства истины, одна способна разрешить, казалось бы, неразрешимые сомнения тех, кто сегодняшнюю «идеологическую доктрину» России (если таковая вообще есть в наличии у нынешнего, идеологически разоруженного российского государства), кто сегодняшнюю некорректную, нарочитую критику К. Маркса сгоряча и опрометчиво принял по наивности за полный отказ от тех высоких социально-нрав-

ственных идеалов, которыми пронизаны все философские труды основоположников марксизма (если читать эти труды без предубеждения). Логично ли на волне новых идеологических веяний категорично отказываться от социально-философских идей, выдержавших испытание временем? Логично ли порывать с понятиями социальной справедливости? Этично ли хулить их, хотя они ни в чем не «виноваты»? Не рано ли мы распрощались с нравственными ценностями, которыми дорожили мыслители разных времен – от Платона и Иисуса Христа до Маркса? Некоторые из тех, которые не поднялись до уровня философского осмысления революционной сути диалектического обновления всех сторон нашей жизни, которые ударились в метафизическую крайность и оказались в состоянии душевного уныния и безысходности, короче, некоторые из безнадежных скептиков и неисправимых пессимистов усмотрели в стремительно продолжающейся кардинальной переоценке былых монолитных ценностей чуть ли не беспросветный кризис марксистских идеалов, кризис марксистской методологии, кризис и крах всей полуторавековой традиции марксистской социокультурной мысли. Симптоматично, что среди этих «некоторых» на первом месте оказались отнюдь не прославленные ученые, составляющие честь и гордость отечественной науки, не люди твердых убеждений и высоких нравственных принципов, а, скорее, околонучные *«комментаторы-просветители»*, импульсивные, быстрые на реакцию *«философы-публицисты»*, в которых общество никогда не испытывает недостатка и которым во все периоды развития истории, во все эпохи всегда «все ясно»: всего каких-нибудь двадцать лет назад им было ясно, что марксизм есть истина, а теперь, видите ли, не менее «ясно», что он есть ложь.

Марксизм, по словам доктора философских наук профессора И. А. Гобозова, «везде и всюду преподавали, зубрили», но после «большинство обществоведов, в том числе и философов, с остервенением набросились на марксистскую теорию и стали обвинять ее во всех грехах», большинство «бывших правоверных марксистов отреклись от марксистской философии... Этим бывшим марксистам марксистская философия нужна была для делания карьеры. Но остались марксистами те, кто не карьеру делал, а был твердо убежден в том, что марксистская философия – вершина достижения ми-

ровой философии»². Путь от очарования идеалами и кумирами до разочарования в них связан с преодолением коллизий и противоречий, которые переживаются в десятки раз мучительнее, чем «когнитивный диссонанс» Л. Фестингера. Разочарование в идеалах, разочарование в кумирах на извилистом пути восхождения общественного сознания к Истине рано или поздно заканчивается преодолением «когнитивного кризиса», «отрезвлением» и выздоровлением социальной психики. Россия словно обречена на эти «очарования» и «разочарования», на «романтические головокружения» и «прозаические отрезвления», в процессе которых «маятник Фуко» российского самосознания неизбежным образом занимает всегда крайнее положение: еще вчера российская философская элита стремилась подняться до вершин методологии Маркса, еще вчера она всемерно возносила Маркса на недостижимый пьедестал, а сегодня она так низко его опустила. («Можно позавидовать тем, кто с такой легкостью способен в одночасье и без мук раскаяния расстаться с тем, во что вчера верил и что исповедовал»³.) Сошлемся на пускай запоздалое, но искреннее признание доктора философских наук И. К. Пантина: «Мы в свое время слишком легко отдали Маркса на растерзание либеральным публицистам, бывшим марксистам, «прозревшим» в связи с реформами борзописцам из журналистского цеха, мы считали, что великий мыслитель им “не по зубам”, что наветы и клевета забудутся, а идеи основоположника марксизма останутся. Однако такое отношение к сохранению наследия Маркса оказалось ошибочным»⁴.

Обратившись к не такому уж далекому прошлому, легко убедиться: нечто подобное уже было – и кризис марксизма, причем не один, и предсказание близкого конца марксистским идеалам. Тем самым, к слову сказать, идеалам, в которых содержится больше, чем где бы то ни было подлинно родовых, планетарных, общечеловеческих ценностей, тем идеалам, которые живут в сердцах простых людей, коих миллионы; тем идеалам и духовным ценностям, которые так долго не «выветриваются» из общественного сознания,

² Гобозов, И. А. А была ли марксистская философия в СССР? // Вестник РФО. – 2003. – № 1. – С. 142–143.

³ Освобождение духа. – С. 288.

⁴ Обсуждение книги Т. И. Ойзермана «Марксизм и утопизм» // Вопросы философии. – 2004. – № 2. – С. 89.

которые не умирают именно потому, что они ассимилировали, впитали в себя все лучшие достижения мировой культуры. Поистине новое – это хорошо забытое старое. Вряд ли понадобится слишком глубокая историческая ретроспектива, чтобы извлечь поучительные уроки из фактов закономерного политического поражения тех, кто уже делал подкоп под фундамент марксистской социологии, безуспешно разводя понятия «истины» и «ценности» в марксистском социально-философском мышлении, тщетно «очищая» марксизм от идеологии.

С другой стороны, мы не меньше учимся на уроках исторического поражения тех, которые, признав позднее логику связи марксистских истин с ценностями и высшими нравственными идеалами, затем (под нарастающим влиянием этих ценностей, усилением их привлекательности для всех честных людей) поневоле вынуждены были круто переориентироваться, резко повернув от «деидеологизации» к «реидеологизации». Так политика «деидеологизации» вынесла себе собственный исторический приговор. Продолжавшиеся в течение десятилетий в прошлом веке перманентные (то затихающие, то разгоравшиеся с новой силой) дискуссии ученых-гуманитариев на тему о соотношении «идеологичности» и «научности» в марксизме наложили свою печать на мировоззрение не только западных, но и отечественных мыслителей. «Я марксизм вообще никогда не воспринимал как науку, он для меня всегда был и остается идеологией»⁵, – заявил при обсуждении монографии Т. И. Ойзермана «Марксизм и утопизм» известный отечественный социолог и писатель А. А. Зиновьев, издавший за рубежом несколько популярных книг, посвященных исследованию советской (прокоммунистической) идеологии. По мнению В. М. Межуева⁶, «западные и русские марксисты, реабилитировавшие понятие идеологии применительно к марксизму, проблему соотношения науки и идеологии не решили, а попросту обошли, закамуфлировав ее понятием «научная идеология». Бывшие критики марксизма эволюционировали в своем мышлении от противников марксизма к *постмарксизму*. «Все мы постмарксисты», – заявил Даниэл Белл на Цюрихском симпозиуме по проблемам индустриального общества (1970).

⁵ См.: Вопросы философии. – 2004. – № 2. – С. 75.

⁶ Там же. – С. 53.

Западные «деидеологизаторы», вскрывавшие «слабости» и «пороки» марксизма под благовидным предлогом критики всякой вообще идеологии, лишь отдаленно напоминают нынешних наших доморощенных деидеологизаторов. Но проступает в них и нечто общее. При явном отличии бывших «деидеологизаторов» от вторых (еще точнее: вчерашних «деидеологизаторов», быстро перекавалифицировавшихся в современных «реидеологизаторов») – при всем внешнем, стало быть, различии западных и отечественных критиков марксизма – есть у тех и у других, вместе с тем, то внутреннее сходство, что их объединяет. Связь тут в том, что первые отказывали марксизму в праве на истинность, противопоставляя марксизм как теорию марксизму как идеологии, считая всякую идеологию ложной, вторые в самом факте увядания былой «свежести» марксистских идей почувствовали опасный симптом низведения казавшегося до сих пор непреложным истинного марксизма до участи несостоявшейся теории: наши «ортодоксы от марксизма» в страхе гонят от себя дурной сон, рисующий им апокалипсический конец марксизма как ложной социальной гипотезы, не подтвержденной социальной практикой и поэтому так и не ставшей научной теорией.

«Марксизм, каким бы политическим влиянием он еще ни обладал, – сделал пессимистическое умозаключение широко известный французский философ Р. Арон⁷, – на мой взгляд, уже принадлежит прошлому».

II

Но марксизм – наследник многовековой культуры гуманистического мышления: «марксизм вошел в историю мысли» (В. А. Лекторский), «Маркс продолжает жить в мировой мысли и сегодня» (В. А. Подорога). Отдавая ясный отчет в том, что «много в марксизме не выдержало проверку временем», нельзя не сознавать, что в нем, вместе с тем, «есть такое содержание, которое не только не устарело, а оказалось исключительно актуальным как для XX века, так и для века XXI»⁸. Для подавляющего большинства прогрессивной западной интеллигенции, полагает Э. Ю. Соловьев,

⁷ Арон, Р. Философия истории // Философия и общество. – 1997. – № 1. – С. 270.

⁸ См.: Вопросы философии. – 2004. – № 2. – С. 43.

марксизм «безоговорочно жив, – он жив *так же*, как живы идеи Канта, Гегеля, Сен-Симона, Фрейда или Макса Вебера»⁹. Философия экзистенциализма, казалось бы, далека от «*марксистского экономического детерминизма*», и тем не менее экзистенциалист Жан-Поль Сартр, решительно и бесповоротно объявивший себя «учеником Маркса, и только Маркса», делает симптоматичное – весьма лестное для марксизма – признание: «Я говорил и повторяю: единственной настоящей интерпретацией человеческой истории является диалектический материализм»¹⁰. «Никогда прежде марксизм не оказывал такого сильного воздействия на буржуазную социологию, – утверждает американский исследователь Н. Бирнбаум¹¹, – никогда прежде он не подвергался столь широкому анализу, критике и обсуждению. Совершенно неоправданные запреты политического характера, тормозившие развитие марксистской социологии... в обществах государственного социализма, начинают терять силу. Набирает силу международная дискуссия по вопросам марксизма, охватившая уже пространство от Лондона, Парижа, Франкфурта и Милана до Загреба, Будапешта, Праги, Варшавы».

Большинство западных интеллектуалов, отмечает член-корреспондент РАН В. А. Лекторский, признает, что «Маркс был великим философом, социологом, экономистом, к мыслям которого приходится обращаться и сегодня», отсюда налицо – осознание острой необходимости «обстоятельно разобраться в концептуальном содержании марксизма без идеологической зашоренности и с высоты начала XXI века»; для российских философов это означает переосмысление собственного недавнего прошлого: «без подобной саморефлексии... невозможно продолжать дальнейшую теоретическую работу»¹².

Сознательно дистанцируясь от «политических карьеристов» из числа «верных ленинцев», известный историк философии профессор К. Н. Любутин при оценке вклада марксизма в сокровищницу мировой культуры противопоставляет свою точку зрения новомод-

⁹ См.: Освобождение духа. – С. 279.

¹⁰ Sartre, J.-P. Critique de la raison dialectique. V. I–II. – Т. 1. – Paris, 1960–1985. – P. 134.

¹¹ Бирнбаум, Н. Кризис марксистской социологии // Американская социологическая мысль. – М., 1994. – С. 98.

¹² См.: Вопросы философии. – 2004. – № 2. – С. 44.

ным «убеждениям» принципиальных «отрицателей марксизма». Философия Маркса, делает вывод К. Н. Любутин, «в высшей степени современна, ибо она предельно гуманистична, нацелена на человека. Вслед за Фейербахом Маркс полагал: “Человек – высшее существо для человека”. Таков его категорический императив»¹³.

Специфики марксистского мышления, превращающего его в постоянно обновляющуюся (не умирающую!) культурно-философскую традицию (традиция потому и называется традицией, что она не угасает в своем самодвижении к высшим ценностям), так и не понял оппонент К. Маркса – К. Мангейм¹⁴, полагавший, что любая общественная наука не может претендовать на истину, если она еще выступает, подобно марксизму, и в роли идеологии. Марксизм-де не может принадлежать объективной – читай «ничейной» – истине, если он не скрывает, что служит интересам рабочего класса.

А ведь не стоит особого труда, чтобы разобраться, что подобное «развенчивание» идеологии,¹⁵ подобная «деидеологизация» на самом деле есть скрытая форма идеологии, направленная своим острием против всей целостной методологии марксистского мышления – той методологии, которая имманентно включает в себя, наряду с классовыми идеалами, также самый широкий спектр, богатейший арсенал идеалов и ценностей, которыми живут, дышат миллионы обнищавших и обездоленных.

Марксистская философская традиция сформировалась, имея в качестве первоисточка богатое мировое социокультурное теоретическое наследие – от классиков античной философии до Декарта, Канта, Гегеля, Фейербаха. Когда сегодня скорые на руку деятели от науки, не утруждая себя изучением общественного мнения философов-профессионалов, пренебрегая волеизъявлением «*простого философского народа*» (и это, заметим, в наше-то «демократичное» время!), торопливо, с величайшей поспешностью, под прикрытием «темноты идеи» пытаются во что бы то ни стало «причесать» кандидатский минимум по философии под современные, новомодные

¹³ См.: Любутин, К. Н. О философии Маркса, о философии Энгельса // Философия и общество. – 2004. – № 1. – С. 166–167.

¹⁴ Mannheim, K. *Ideologie und Utopie*. – Frankfurt am Main, 1969.

¹⁵ См.: Bell, D. *The End of Ideologie*. – N. Y.; Bell, D. *The Post-Industrial Society the Evolution of Idea* // «Survey». – L., 1970.

западные «образцы», когда философию подвергают nepозволи- тельной вивисекции, вытягивая из нее ее сердцевину, когда пред- намеренно и насильственно выхолащивают из философского куль- турного наследия не одного Маркса, но изымают вместе с ним и его великих предшественников, тогда дальнейшее развитие науч- ного мышления чревато кризисом, в результате которого в обще- ственном философском сознании вполне может оборваться истори- ко-диалектическая *связь времен*. Вот тревожные мысли по этому поводу И. А. Гобозова: «Кандидатский минимум по философии заменен экзаменом по истории и философии науки. Видимо, скоро вообще отменяют преподавание философии. И за это немалую ответ- ственность будут нести те философы, которые сегодня не хотят изучать не только Маркса, но и Платона, Аристотеля, Декарта, Канта, Гегеля...»¹⁶

Но Маркс может быть до глубины понят только в историко- философском контексте. Без этого контекста сущность марксист- ской социокультурной традиции принципиально непостижима¹⁷. Маркса как мыслителя проясняет подробно исследованная в его диссертации античная философия от Демокрита до Эпикура и Лу- креция Кара. С другой стороны, без критического переосмысления достижений классической немецкой философии, особенно без ана- лиза глубоких гегелевских и фейербаховских размышлений была бы совершенно непонятна вырастающая непосредственно из Гегеля и Фейербаха новаторская традиция марксистского **диалектико- материалистического** философского мышления. Кто осмелится сегодня утверждать с уверенностью, что это мышление понято правильно и неискаженно?

История культуры (и история философии в частности) являли нам много примеров недопонимания, неполного понимания, либо искаженного понимания трудов великих мыслителей. Вопрос по- нимания – вопрос вечный. Он удивительно актуален для современ- ного этапа развития, связанного с «развенчиванием» истин марк- систского мышления, всей традиции марксистской философской культуры. Он, этот вопрос, необыкновенно актуализирован жиз- нью, современным этапом общественного развития.

¹⁶ Гобозов, И. А. Какую философию преподавать? // Вестник РФО. – 2004. – № 1. – С. 71.

¹⁷ См.: Дзюра, А. И. Исчерпан ли потенциал марксизма? // Диалог. – 2004. – № 1.

С 90-х годов XX века наступило отнюдь не самое лучшее время для тех, кто – сознательно ли, или неосознанно – оказался в числе либо убежденных и активных адептов и апологетов марксизма, либо в более скромных рядах его менее активных, возможно, скрытых сторонников, либо на стороне «нейтралов». Вот авторитетное мнение доктора исторических наук профессора Ю. И. Семенова: за редким исключением «все люди, так или иначе отвергшие марксистскую философию, оказались совершенно неспособными сказать свое собственное слово. И причина заключалась в их догматизме... Потеряв веру в марксизм, который представлял в их глазах как сумма догм, или вообще не уверовав в такого рода марксизм, они спешно стали искать новые объекты поклонения. Недовольство одними кумирами породило поиски других»¹⁸. К тому же «марксизм сам впал в такой же догматизм, за который он критиковал философов прошлого», – считает академик РАН А. А. Гусейнов¹⁹. Академик РАН В. Н. Кудрявцев вычленил два неверных (искаженных) образа марксизма или, если угодно две «стадии» постижения социально-философской сущности марксистского учения, каждая из которых должна быть заново переоценена, переосмыслена и критически преодолена: первая «стадия» – это догматическое преклонение перед любыми высказываниями классиков, вторая – впадение в противоположную крайность, когда все марксистское объявляли ложным и ненаучным²⁰.

Сегодня прочитать о философии Маркса в положительном ключе можно разве что в журналах «Философия и общество», «Вестник РФО», «Вопросы философии», «Свободная мысль», «Диалог». Последовательно и аргументированно, без критиканства и «зряшного отрицания» обсуждают теоретическое наследие Маркса ученые, сгруппировавшиеся вокруг И. А. Гобозова, Л. Е. Гринина, Д. В. Джохадзе, Д. В. Жукоцкого. «Мы, по-моему, до Маркса еще не доросли, как, впрочем, не доросли до Адама Смита и многих других домарксистских мыслителей», – огласил свою точку зрения И. М. Клямкин. Вместе с тем многие современные социологи, фи-

¹⁸ См.: Философия и общество. – 2004. – № 3. – С. 198

¹⁹ См.: Вопросы философии. – 2004. – № 2. – С. 50.

²⁰ Там же. – С. 45.

лософы, экономисты, историки «уличают» марксизм в утопизме²¹ не меньше, чем в догматизме, если не больше. На взгляд В. М. Межуева, «в критической литературе о Марксе обвинение его в утопизме – пожалуй, наиболее распространенное»²². Прежде всего, Марксу «инкриминируется в вину» коммунизм как социальная утопия. Особое мнение на сей счет высказал Э. Ю. Соловьев: «Важно понять, что Марксово представление о коммунизме – это не научно-технический прогноз, а, скорее, социальное (нерелигиозное) пророчество. Поскольку это *пророчество*, с ним следует обращаться экзегетически... Поскольку же это пророчество нерелигиозное, его содержание не должно входить в состав актуально действенной веры, не должно пониматься как провозвестие, которое вот уже скоро, “вот уже завтра” исполнится и воплотится»²³. А вот логика размышлений о «научности» и «ненаучности» Марксова коммунистического прогноза Ю. Б. Пищика (заявившего для начала: «Сразу признаю, лично я – марксистский апологет»). У Маркса, рассуждает Ю. Б. Пищик, «есть и публицистика, и такое произведение, как “Манифест Коммунистической партии” (написанное в соавторстве), по сути политический памфлет. А мы же рассматриваем этот “катехизис”, в котором “все суть”»²⁴. Некорректным, доказывает академик В. С. Степин было бы отношение к «сверхдальним прогнозам», являющимся не более чем вероятными сценариями будущего, как к «точным расчетам социальной траектории». Но именно такой «запрещенный прием» как раз чаще всего и применяется «при оценке отдельных Марксовых предсказаний: выбираются высказывания, не нашедшие подтверждений, и объявляется утопией вся концепция». Беда не в том, что «любое историческое предвидение наряду с пророческими может включать и утопические элементы, фантазией дорисованные конкретные детали эскизно предвидимого будущего», а беда тогда, когда «к сверхдальному прогнозу относятся как к конкретному воплощению социального проекта простой машины...»²⁵.

²¹ См.: Ойзерман, Т. И. Марксизм и утопизм. – М.: Прогресс-Традиция, 2003: Обсуждение книги Т. И. Ойзермана «Марксизм и утопизм» // Вопросы философии. – 2004. – № 2; Орлов, В. В. От Маркса к Ойзерману? // Философия и общество. – 2004. – № 2.

²² См.: Вопросы философии. – 2004. – № 2. – С. 53.

²³ См.: Освобождение духа. – С. 324.

²⁴ Там же. – С. 325.

²⁵ Там же. – С. 306.

В постсоветскую эпоху, на взгляд И. А. Гобозова, «марксизм превратили в официальную идеологию, выхолостив, тем самым, его научное и диалектическое содержание. В постсоветскую эпоху абсолютное большинство обществоведов отвернулось от марксизма, объявив его устаревшим...»²⁶. Парадокс (и трагедия!) в том, что в России даже сами «идеологи марксизма», насаждавшие марксизм сверху в качестве «единственно верной методологии социального познания», – даже они, скорее, слыли, чем были подлинными марксистами: наши руководящие идеологи не знали марксизма и не хотели его знать. Им выгодно было притворяться марксистами, что они усердно и делали. Когда доступ к «корыту» стал обеспечивать антимарксизм, они тут сразу сбросили маски. Для тех, чьи марксистские убеждения оказались на деле не глубже, чем «на кончике пера», проще, как полагают они сами, вежливо и культурно «проститься с марксизмом», как прощаются с ним, почти не сговариваясь между собой, самые разные представители самых разных стран и народов едва ли не всех континентов. Притом «проститься» почти бездумно, безвольно, повинувшись некоей «моде», безропотно заражаясь бактериями прогрессирующей болезни по имени «Эпидемия Великого Отрицания». Легче тихо порвать с потерпевшим фиаско марксистским философским мышлением, постараться забыть его, «стереть его из памяти», чем дать себе труд бережно и непредвзято перелистать страницы марксистских произведений и подивиться – даже теперь и именно теперь! – скрытой в них поистине магической силе идейно-нравственного воздействия на сознание масс. Именно этим принципом – принципом если не трепетного, то максимально бережного отношения к аутентичным марксистским текстам – следовало бы руководствоваться, подвергая анализу не только и не столько так называемые «ранние произведения» марксизма, но по возможности и труды французских просветителей, а также Г. Гегеля, Л. Фейербаха и других великих мыслителей, на чьих богатырских плечах стояли К. Маркс, Ф. Энгельс, без чьих идей, их переосмысления, критической их переработки невозможна логическая и историческая эстафета и преемственность ренессансной, просветительской гегелевско-марксистской

²⁶ См.: *Философия и общество*. – 2004. – № 3. – С. 199.

методологии социального познания, принципиально не осуществима эстафета философско-теоретического, ценностно-практического, а, следовательно, также и художественно-эстетического освоения мира, наконец, немислимо само возникновение, формирование, длительное развитие качественно нового марксистского философского мышления, прочно занявшего свое достойное место в русле целостной культурно-антропологической – *гуманистической* – научной традиции.

III

Обществоведы говорят о научной несостоятельности марксистского мышления, его «распаде», «упадке», «деградации», «исторической ограниченности», историки, философы рассуждают о «кризисе марксизма, о том, что он устарел. Причем речь идет не только о его несостоятельности в качестве “единственно верного и всепобеждающего учения”. Вопрос ставится нередко об его исчерпанности вообще, в принципе» (И. М. Клямкин). Марксизм моментально и безвозвратно устарел? А может, не марксизм устарел, а безнадежно отстав от жизни, от практики как критерия истины, наконец, от социально-исторической деятельности, взятой в качестве атрибутивной, неотъемлемой составной части марксистской теории познания, фактически устарели обществоведы, утратившие вкус к творческому постижению марксизма, разучившиеся черпать рациональные зерна истины из марксистского наследия, утратившие секрет извлечения энергии и нравственного потенциала из почти бездонного культурно-исторического источника, потерявшие интерес к постижению марксизма, этого кладезя унаследованных от всех прогрессивных эпох таких немеркнущих ценностей, как «добро», «справедливость», «равенство», «свобода», «гармония личного и общественного»?

Что произошло на самом деле? Произошел не обман, а самообман. Вроде бы «объективно» фиксируя все углубляющийся кризис некогда властвовавшего над умами миллионов масс марксизма, его высочайшего взлета, поистине редкостного, победоносного распространения его идеалов и ценностей, человеческое сообщество, выдав желаемый общественный строй за строй действительный, «распалив» свое неумеренное воображение, возжелав достижения

«царства свободы» раньше, чем созрели к этому объективные предпосылки, – постепенно и незаметно для себя самого подновило, улучшило марксизм, сначала прибавив к его образу несколько розовых тонов, затем окружив его этакой религиозной аурой неземной святости и едва ли не божественного совершенства. Произошла мифологизация марксистских социальных идеалов.

Стоит ли после этого с рассчитанным на публику возмущением искусственно нагонять волну психологического и логического неприятия марксизма. Стоит ли поступать по принципу «презумпции виновности» К. Маркса (за содеянные и несодеянные им «преступления»)? Имеет ли смысл хоронить марксизм заживо, если всякому непредвзятому исследователю доподлинно известно:

– во-первых, аутентичный марксизм возник как духовная квинт-эссенция отнюдь не российской, а западноевропейской культуры, притом возник, как теория самореализации «в недрах» западноевропейской цивилизации, а не полуевропейской, полуазиатской России. В процессе «пересадки» идей марксизма на русскую «почву», справедливо считают А. И. Володин и Б. С. Итенберг, «были свои издержки, подчас значительные. Однако до поры до времени основное содержание, смысл и значение такого рода явлений определяли не эти издержки, а прежде всего то, что даже и в неадекватной, деформированной, искаженной форме теория Маркса и Энгельса все активнее и шире входила в общественное сознание России»²⁷;

– во-вторых, традиция марксистского философского мышления не имеет прямого касательства *ни к Африке, ни к Азии, ни к России* («марксизм в России и не ночевал»²⁸) – убежден К. М. Кантор), поэтому философам, экономистам, социологам сегодня не так просто ответить, на основе *какого* (!) «марксизма» социализм в теории становился в советской России социализмом на практике – так называемым «реальным социализмом»;

– в-третьих, «первомарксизм», то есть реальный гуманизм, объяснил неизбежность временного поражения еще по преимуществу эстетического ренессансного гуманизма «напором выросшего на том же планктоне простого товарного производства капитализма.

²⁷ Володин, А. И., Итенберг, Б. С. Еще раз об отношении к Марксу и марксизму в России 60-х–70-х годов XIX века // Вопросы философии. – 1983. – № 1. – С. 72.

²⁸ См.: Освобождение духа. – С. 34.

Он предсказал, что, пройдя через капитализм, западноевропейское общество вновь вернется к гуманизму – но уже не только эстетическому, но и этическому, и научному»²⁹;

– в-четвертых, российские большевики действовали в период Октябрьской революции, «отступая от основ философии Маркса» (В. Короленко);

– в-пятых, если бросить на чашу логических аргументов самый веский из них – документально подтвержденные слова К. Маркса, то, по признанию основоположника марксистской традиции, его теория никакого отношения к России не имеет. Так, в письме В. Засулич в 1881 г. К. Маркс свидетельствует: «Историческая неизбежность этого процесса точно ограничена странами Западной Европы»³⁰.

Известно, какой категорический отказ встретил у К. Маркса замысел Н. К. Михайловского глобалистски переистолковать, возвести в более высокую степень теоретического обобщения принадлежащий К. Марксу «Исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе», то есть превратить этот очерк в «историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они оказываются...»³¹.

Выводы? Вот они.

Вульгаризаций марксизма существует сколько угодно. А поэтому, когда ставится вопрос «жив ли марксизм?», то имеют в виду множество «марксизмов», плюралистическую природу марксизма. И здесь необходимо учитывать одну тонкость. Дело в том, что, при всех отличиях теоретически переименованных, изуродованных, вульгаризированных «марксизмов», при всей их непохожести на *аутентичного К. Маркса*, все же эти вульгаризации «вырастают из того, что есть в его трудах» (Л. А. Гордон). Наверное, есть сермяжная правда в гордоновском умозаключении: не всякая вульгаризация может стать «марксистской», а только та, которая имеет некоторые связи с реальным марксизмом, которая может на этой почве вырасти.

²⁹ См.: Освобождение духа. – С. 339.

³⁰ Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения. – Изд. 2-е – Т. 19. – М., 1969. – С. 120.

³¹ Там же. – С. 250.

Здесь, следовательно, вычленяется существенной научной важности проблема. Эту проблему можно сформулировать и поставить следующим образом. Феномен «ложности сознания», присущий, по убеждению К. Маркса и Ф. Энгельса, всем идеологиям, всем «идеологическим методам» мышления, существует ли по отношению к марксизму только в потенции? Философия Маркса «завалила экзамен» на ее верификацию? Она уже сфальсифицирована бесспорно? Сфальсифицирована лишь потому, что марксистская гносеология аксиологична (читай – идеологична)? Марксизм опровергнут Историей – и в этом уже никто не сомневается? Но даже старик Аристотель сказал бы, что этот скороспелый вывод получен *методом неполной индукции*, а следовательно, не может претендовать на абсолютную истинность. Разве История сегодня уже закончилась? Разве она успокоилась в своем восходящем движении к прогрессу? Ни практически, ни теоретически не решить этой проблемы, не уподобив отношение к марксизму как «разросшемуся дереву, каждая ветвь которого выступает в качестве особого течения, аспекта толкования марксистских идей и принципов, попыток осмыслить и переосмыслить их под углом зрения накапливаемого исторического опыта» (В. С. Степин).

IV

Традицию марксистского мышления принципиально нельзя насильственно изъять, исключить, вычеркнуть из всей мировой гуманистической культуры. На заседании теоретического клуба «Свободное слово» известный прогрессивно мыслящий философ В. М. Межуев сказал памятные слова, предупреждающие против «легкости необыкновенной», с которой некоторые «горячие философские головы», презрев Марксов диалектический метод познания, запросто соскальзывают с гносеологии и эпистемологии на аксиологию, вследствие чего впадают в метафизическую крайность при оценке марксистского философско-теоретического наследия: «Марксизм – не аномалия, а закономерный процесс европейского сознания и культуры Нового времени, важный шаг на пути самосознания всей западной цивилизации, ее стремления не только понять себя, но и в какой-то мере предугадать направление будущего развития. Похоронить Маркса равносильно тому, что похоронить всю

ноевропейскую культуру с ее неустанным поиском нового видения мира, в котором нашли бы реальное воплощение принципы гуманизма, индивидуальной свободы и социального равноправия людей. Ибо наследие Маркса, взятое в аспекте не только своих прямых политико-экономических выводов, но и глубинных философско-мировоззренческих оснований, несомненно, находится в общем русле этого поиска, существенно обогащая и расширяя его». Следовательно, «тотальное отрицание марксизма столь же лишено смысла, как и его признание в качестве вечной и абсолютной истины»³².

Почти полвека назад Джон К. Гелбрейт произнес симптоматичную фразу, которая и сегодня звучит современно: «Ничто не было так плохо понято, как влияние К. Маркса... Маркс определенно повлиял на тех, кто не принял его систему. Его влияние охватывало и тех, которые считают, что поддаются ему меньше всего». Американский социолог Лорен Р. Грэхэм пришел к глубокому убеждению, что диалектический материализм как *философия познания природы* является достижением, не имеющим себе равных в истории науки Нового времени: «Диалектический материализм, без сомнения, есть искренняя и обоснованная попытка понять и объяснить природу. По универсальности и степени разработанности диалектико-материалистическое объяснение природы не имеет равных среди современных систем мысли. В самом деле, необходимо было бы вернуться на несколько веков назад... чтобы найти такую систему, основанную на самой природе, которая могла бы соперничать с диалектическим материализмом по степени развития или целостности строения», а следовательно, «диалектический материализм является впечатляющим интеллектуальным достижением»³³.

Израсходовал ли свой духовный потенциал марксизм как система политических, правовых, этических, эстетических идеалов и ценностей? Нет, далеко не израсходовал, не растратил себя. Исчез ли с исторической арены, умер ли марксизм? Нет и нет. «Марксизм не умер, умереть не может и, более того, в обозримом будущем еще переживет свое второе рождение» (В. И. Толстых). Выходит, резюмирует В. М. Межуев, что «смерти заслуживает не марксизм...

³² См.: Освобождение духа. – С. 339.

³³ Цит. по: Любугин, К. Н. О философии Маркса, о философии Энгельса // Философия и общество. – 2004. – № 1.

а то отношение к марксизму, которое видит в нем окончательную и не подлежащую дальнейшему обсуждению истину. Но тут уж Маркс, как говорится, ни при чем, ибо причину догматизации его учения надо искать не в нем, а в нас самих»³⁴.

Те, которые упорствуют в отстаивании тезиса о некоей дискретности, прерывности единой линии мировой гуманистической культуры, при этом пальцем показывая на марксизм (заметим: пальцем в небо!), очевидно, забывают идущую от Г. Гегеля идею неустанного самостановления, самотворения, самосозидания Духа. С годами, десятилетиями, столетиями мысль Г. Гегеля не потускнела. Напротив, с высоты сегодняшней эпохи гегелевская истина высвечивается и сверкает новыми гранями. Мы на каждом шагу убеждаемся лишним раз в правоте Гегеля: Дух ведь никогда не «утомляется», не «устаёт» развиваться безостановочно и бесконечно. Истина сия столь неоспорима, что в ее свете по-новому можно оценить даже политических геростратов, прерывающих историческую «связь времен» и потому осужденных на вечную ненависть человечества, то и дело восстанавливающего связь веков и тысячелетий. Даже разрывая цепь бесконечного континуума социального пространства-времени, индивиды, рвущие эту цепь, «берут на себя роль разорванных звеньев: история продолжается» (Ф. Т. Михайлов).

Рискнем высказать дерзкую, но не лишённую рациональности мысль: по сегодняшнему нашему отношению к традиции марксистской социокультурной мысли можно в определенной степени судить, насколько философски глубоко освоили мы художественное прозрение В. Шекспира, нашедшего адекватную форму самовыражения в знаменитом восклицании датского принца Гамлета: «порвалась связь времен». По сути, она и сегодня на несколько исторических «мигов» прервалась, эта связь времен (она, между прочим, всегда отчасти прерывается, когда наступает период крутой ломки культурных *парадигм* и не менее крутой переоценки всех ценностей). Что-то неординарное происходит в мировом общественном мнении и мировом общественном сознании.

³⁴ См.: Освобождение духа. – С. 301.